

Крик и свиста пока не слышу

В течение двух минувших сезонов в шести крупных московских театрах сменилось художественное руководство. Последним стал Театр имени Маяковского, многолетний худрук которого Андрей Александрович Гончаров ушел из жизни в сентябре 2001 года. Обсуждение новых кандидатур несколько затянулось, в прессе муссировались имена режиссеров-«претендентов», сам театр предлагал внутреннюю актерскую альтернативу. Вопрос решился в самом конце прошлого года — художественным руководителем театра был назначен Сергей Арцибашев, занимавший аналогичную должность в созданном им Театре на Покровке. Кстати, и с Театром имени Маяковского у него уже существовали творческие связи: в 80 — 90-е годы Арцибашев поставил там три спектакля, в одном из которых был занят и как актер. А в нашумевшей покровской «Женитьбе», удостоенной Государственной премии России, принимали участие Игорь Костолевский и Михаил Филиппов. Обновленной версией «Женитьбы» откроется новый сезон Театра имени Маяковского.

— Сергей Николаевич, какой прием вам оказал коллектив Театра имени Маяковского?

— Криков и свистов пока не слышу, как, впрочем, и особого ликования. Встретили меня в принципе достаточно доброжелательно. Хотя, наверное, кому-то я и не нравлюсь, кому-то хотелось увидеть на этом посту другого человека. Но мне лично это высказано не было. Те, кто со мной работал раньше, восприняли мое назначение с удовольствием. Настороженность остальных понятна: неизвестное будущее всегда вызывает тревогу, ожидание перемен, которые могут затронуть личные интересы каждого.

— Сегодня многие театры Москвы похожи друг на друга. Обладает ли, на ваш взгляд, Театр имени Маяковского неким своеобразием? Можете ли вы сформулировать, в чем заключаются его неповторимые особенности?

— Сейчас об этом трудно говорить. Прежнее лицо театра определял Андрей Александрович Гончаров, когда он был в силе, ставил много спектаклей. В его постановках действительно существовал неповторимый почерк, свой стиль. Но в последние годы черты этого «лица» стали размываться. Поэтому на сегодняшний день я бы ничего такого не сформулировал.

— Вы считаете важным сохранить прежний стиль или собираетесь строить новый театр?

— Когда мне предлагали возглавить Театр имени Маяковского, наверное, понимали, что у меня есть собственное мировоззрение, мироощущение, большой опыт работы, наконец. Поэтому ни о каком повторении или возврате речь не идет. Я не могу ставить так, как Гончаров. У меня свой почерк и своя принципиальная позиция. Куда бы меня ни приглашали на постановку, будь то Театр сатиры или Новая Опера, я никогда не ставил задачи угождать этому театру, раскланиваться перед актерами. Наверное, меня и звали-то затем, чтобы я принес в театр свое видение и заразил труппу своими методами работы, художественными решениями. Хотя иногда мне говорили: ставьте спектакль, но помните, в каком вы театре. От подобных предложений я либо отказывался, либо оговаривал, что буду работать так, как я умею и чувствую. Я — режиссер, а не стилист. И моя задача, или, как сейчас говорят, кредо — сделать живой театр, с тесным контактом сцены и зрительного зала. Чтобы и актеры, и публика понимали, что разговор ведется на нормальном человеческом языке, о понятных и близких проблемах. Притом, что должен существовать интересно придуманный сценический рисунок, дающий возможность для настоящей театральной игры.

— Вы предлагаете реформы или революцию?

— Мне бы не хотелось устраивать революцию, потому что это ни к чему хорошему никогда не приводило. Хочу попробовать эволюционный путь. Это более длительный процесс, ре-

зультаты проявятся не вдруг. Вдруг ничего не возникает, кроме бесовщины.

— Удалось ли вам за эти несколько месяцев досконально изучить нынешнее состояние театра, наметить основные проблемы, с решения которых следует начать реформы?

— Конечно, в первую очередь меня интересует творческий процесс и состояние труппы. Труппа большая. Плотны заняты, как и везде, немногие актеры. Публика любит узнаваемые лица, поэтому большая посещаемость на спектаклях с участием звезд. В последние годы и в этом театре, в контексте общего процесса, действуют центробежные силы. Все разбегается по антрепризам, рекламам, сериалам и прочим халтурам. Этот процесс, конечно, разрушителен для стационарного театра, театра-дома. Вот одна из проблем. Я — сторонник репертуарного театра. Считаю его отечественным достижением при всех существующих минусах. Репертуарный театр воспитывает актеров, работает об их профессиональном росте. Антреприза же просто использует имидж артиста, нарабатанный в стационаре.

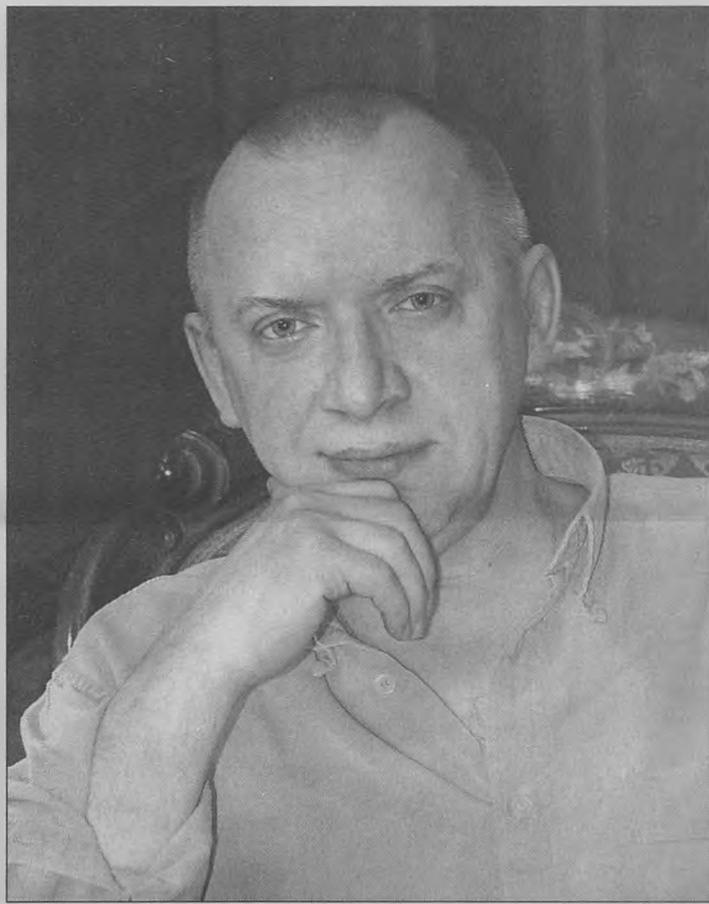
Впрочем, на сегодняшний день в театре все настолько взаимосвязано, что нельзя отрывать творческие проблемы от работы административно-хозяйственного аппарата, который занимается и рекламой, и продажей билетов, и организацией зрителя. Здесь проблема сложнее, потому что и хозяйство более рутинное, привыкшее жить по другим меркам. А время уже не то, надо быстро перестраиваться, быстро улавливать какие-то перемены.

— Вы возьмете основную постановочную нагрузку на себя или откроете двери театра для разных режиссеров?

— С одной стороны, постараюсь побольше на себя взвалить, поскольку мне хочется познакомиться со всеми актерами лично, причем в работе — никого не обижая, не подбирая себе «команду». Мне важно понять, насколько мы друг другу созвучны. С другой стороны, даже с моей работоспособностью я не смогу охватить всех. Тем более что у нас есть филиал и Малая сцена. Поэтому работа найдется и для очередных режиссеров — Леонида Хейфеца, Татьяны Ахрамковой, Юрия Иоффе, и для приглашенных. То есть практически двери открыты всем. Я ужасно нервничаю и переживаю, если репетиционные комнаты пустуют. Это меня жутко раздражает и мучает, поскольку бурная творческая жизнь должна кипеть во всех уголках театра.

— Режиссеры свободны в своих действиях или подвержены контролю со стороны художественного руководителя?

— Контроль, конечно, предполагается. И не только с моей стороны, но и со стороны худсовета. Я сам на этом вырос и другим режиссерам посоветовал бы не бояться показов худсовету. Важно ведь не прогадать и на каком-то этапе либо утвердиться в своем решении, либо

С. Арцибашев

что-то поменять. Ведь сейчас все связано не только с творческими поисками, но и с деньгами. Затраты у театра большие, и добываются средства достаточно сложно. К сожалению, вокруг Театра имени Маяковского за эти годы не образовалось группы спонсоров и меценатов, которые помогали бы театру, рискуя своими деньгами. Мы существуем благодаря финансированию Комитета по культуре Москвы и тем средствам, которые зарабатывает сам театр. И тут, мне кажется, надо быть очень осторожным.

— Как вы предполагаете сочетать коллективизм и единоначалие в работе театра? Предполагаете ли, худсовет не одобрит вашу постановку?

— Пока такой коллизии не возникало. Хотя в Театре на Покровке бывали случаи, когда худсовет не принимал моего спектакля. Но я всегда поступал так, как считал нужным. У худрука есть такое право.

— То есть последнее слово остается за вами?

— Да. Но я надеюсь, что в худсовете Театра имени Маяковского собрались люди, способные услышать доводы и руководителя, и режиссера. Надеюсь, что все мы заинтересованы в том, чтобы появлялись интересные работы, а вокруг театра формировалась бы творческая, энергичная аура, в которую хотелось бы войти и зрителям, и тем же спонсорам.

— Вы рассчитываете на силы конкретной труппы или собираетесь обновлять актерский состав?

— Мне хотелось бы в первую очередь определить творческий потенциал этого коллектива. В труппу я никого не взял, даже ни одного из покидавших выпускников театральных вузов. Не потому, что они мне не понравились. Просто я еще не до конца выяснил возможности нашей молодежи. Не стоит раздувать труппу. Я смотрю на вещи реально: если ты кого-то прилащиваешь, значит, несешь за него ответственность и должен обеспечить работой. Плохо, если актер годами выходит только в эпизодах или массовках. Хотя, конечно, если возникнет острая творческая необходимость, я могу пригласить актера на роль. При условии, если не найду нужного мне исполнителя в театре или у него не бу-

дет возможности участвовать в спектакле по причине большой занятости.

— Какова дальнейшая судьба Театра на Покровке?

— Пока этот театр я никому отдавать не собираюсь, буду совмещать художественное руководство двумя коллективами. Там попроще, поскольку есть обширный репертуар, который востребован публикой. Хотя понятно, что сейчас основные мои мысли, мечты, тревоги, стремления связаны с Театром имени Маяковского. На Покровку же буду привлекать других режиссеров для новых спектаклей, иногда ставить сам, курировать общий процесс.

— Как-то сблизить эти театры вам не хочется по примеру чеховского МХАТа и Табакерки?

— Никакого объединения не намеряю. На Покровке другая атмосфера — камерная, домашняя. Хотелось бы, чтобы все это сохранилось.

— Что готовит Театр имени Маяковского к новому сезону?

— На основной сцене Леонид Хейфец репетирует спектакль под рабочим названием «Синтезатор любви» по пьесе английского драматурга А.Эйкборна. В филиале работу над своей пьесой «Рамки приличия» начал Андрей Максимов. Это будет легкая стилизация под французские любовно-романтические сюжеты. Я сам собираюсь приступить к достаточно серьезно проекту — спектаклю «Братья Карамазовы» по роману Ф.Достоевского. Владимир Малягин сделал новую инсценировку, которая мне очень нравится, особенно жанровый подзаголовок «Симфония страстей». Надеюсь занять в спектакле как можно больше ведущих артистов. Хочется, чтобы постановка не вышла скучной, чтобы в ней было как можно меньше «достоешины».

— А свои актерские опыты вы намерены продолжать на новой сцене?

— Пока нет. Хотя я очень люблю играть и за мной остаются мои роли в Театре на Покровке. Душу буду отдавать там. Здесь же надо дать как можно больше возможностей поиграть другим.